(cc) BY

Исмаилова Бактыгуль Таштемировна
старший преподаватель
Кыргызско-Узбекский университет
г. Ош, Кыргызстан

НОВЫЙ ГЕРОЙ В ОБНОВЛЕННОЙ «ДРАМЕ»

Аннотация*: в данной статье рассматривается проблема художественной критики, а также вопрос противостояния субъективной и объективной критики. Автором анализируется объемная статья Камбаралы Бобулова, написанная как критика на писательскую критику.*

Ключевые слова*: объективизм, субъективизм, догматизм, авторская концепция, нормативная критика, читатель, профессиональная художественная критика, обсуждение.*

Субъективизм и догматизм – отрицательное явление, встречающееся в художественной критике. Представители субъективной критики противостоят объективной критике, основанной на научных приемах исследования, при оценивании произведения не обращали внимания на такие явления как авторская концепция, проблемы стилевых особенностей, кажется, что они менее всего ориентируются на читателя, считали верным делиться своими мнениями о первоначальных впечатлениях по прочитанному произведению. Догматически-нормативная критика, наоборот, не обращает внимание на проблемы читательского воздействия, и даже не берет его в счет, основывается на предварительно составленный о художественной литературе сформированный взгляд. Нормативная критика, руководствуясь определенными требованиями, положениями, предыдущим опытом, подтвержденной, доказанной традицией, направлена на подведение итогов, шаблонных формул оценивания художественного произведения.

А также такие понятия как правила, положение, нормативные требования, личное критическое доверие, да и вообще только ему известное, и в то же время может быть, к сожалению, и демагогическая «критика», с намерениями, практи-

чески не имеющих никакого отношения к литературному интересу, не уважающих никакие принципы. К такой критике в советской литературе применяли эпитет «вульгарно-социологический». Там, где развита профессиональная литературная критика, где определены профессиональная, морально-этическая, общественная обязанность, ответственность, где действительно сформирована литературно-критическая культура, этика, эстетика нет места для демагоговульгарной критике. И если вдруг это имеет место, то уже не будет иметь прежнего воздействия. Но, как подтверждает история, когда еще не сформирована письменная издательская литература, когда только-только появляется понятие о том, что такое письменная литература, то и понятие о литературной критике тоже ограничено. Да и верно, что ограничивание ведет к различным ошибкам. В некоторых случаях, когда состояние атмосферы в обществе близко к политике разделения, то и в критике создается условие для появления негативных явлений. В 20–30 годы невозможно было определить критику вокруг «стихотворений Касыма» как «нормативную» или «субъективную». Потому, что в них на концептуальном уровне нет и специально схваченных идейно-художественных нормативных принципов, и уверенности в правильности своих субъективных взглядов, это всего лишь демагогия, склонность к взаимной вражде, были только хлопоты каждого доказать, что именно он всесильный. Иначе, как можно назвать такую «критику» Айткула Убукеева, одного из критиков на сборник стихотворений К. Тыныстанова, на стихотворение поэта «Утро»: «Утро Эрика» рассвело не с Востока, а вновь с Запада, с русских рабочих? Здесь можно заметить, что поэт не может верно раскрыть откуда наступает естественный рассвет, а откуда – рассвет эрика» [4, с. 152.]? Здесь целью, с которой А. Убукеев пишет критику, является не указание недостатков поэта и правильного пути, и не желание, преследуя интересы читателей, анализируя успехи или недостатки стихотворения, воспитания эстетического вкуса читателя. И даже не раскрытие, содержащегося в произведении достоверности социально-идеологического содержания. Ни стихотворение, ни поэт, написавший его, не нуждаются в таких указаниях «критика». К. Тыныстанов как поэт являлся одним из лучших среди современников. Возможно

А. Убукеев тоже это хорошо понимал. Возможно, даже, что внутренняя вера в правильности стихотворений поэта была сильнее, чем правильность своих высказываемых мыслей. Но это или затаенная обида, или желание оказать кому-то услугу или стремление показаться на глаза как активист-комсомолец, одним словом верно, и то, что такая критика существовала в истории национальной литературной критики.

«Критические суждения о литературе возникли одновременно с самим ее рождением, первоначально как мнение наиболее уважаемых, умудренных читателей. Первый читатель был по существу и первым критиком. Выделившись уже в эпоху античности как особое профессиональное занятие, литературная критика еще долгое время сохраняла в ряду иных видов творчества скромное «прикладное» значение – общей оценки произведения, пооширение или осуждения автора, рекомендации книги другим читателям. С ходом времени, в результате развития дифференциации литературных жанров, прогресса художественного и научного мышления, цели и характер литературной критики становятся сложнее, а сами требование к ней разнообразнее и ответственнее. С течением времени литературной критики обособились в отдельные отрасли знания теории и истории литературы. Но и критика в узком смысле слова удержала те свойства, какие сопутствовали возникновению различных сторон литературной науки – историзм, теоретическая основательность, общеэстетические критерии», – указано в энциклопедических изданиях [6, с. 254–255], и с развитием кыргызской литературы, по мере перехода к многообразию жанров литературная критика начинает так же обогащается, усложняется в области жанров, с научной стороны – углубляться. В 1948 году Дж. Саманчин, в 1950 году Б. Керимжанова, в 1953 году К. Асаналиев, в 1955 году Г. Уметалиев защитили кандидатские диссертации в области литературоведения. Национальное литературоведение начинает разделяться на теорию литературы, историю литературы, литературную критику. Литературная критика начинает подниматься над уровнем читательской критики, осваивает положения профессиональной критики, наблюдается начало оценивания исторического, теоретического контекста произведениям.

Но, какая бы общественная, демократическая свобода, благоприятные условия не создавались, как бы ни был высок общий уровень научного развития, наряду с положительными явлениями всегда проявлялись и негативные явления, связанные с человеческим фактором. В этом случае несмотря на то, что «демократическая критика» как и ранее белое называет «черным», калеку «бегуном», приспосабливаясь к современности, старается заполучить «научности».

В период, когда творческой среде надоели ограничения, запрещения, чрезмерное вмешательство политико-идеологических указаний, знавшие о творческой свободе, понимавшие его необходимость, достоинство, когда, желая вдохнуть ветерок постсталинской свободы, в сфере кыргызской литературы произошло большое событие. Об этом хорошо сообщается в книге «Чыңгыз Айтматов: вчера и сегодня» (1995) К. Асаналиева, известного ученого, литератора, современника героев этого события, прекрасно знавшего эту историю. Будет верно, если приведем эпизодический отрывок, потому, что эта история, живо освещающее дух, образ времени, имеет непосредственное отношение к проблеме, которая должна рассматриваться в научной работе. «В 1956 году в кыргызской литературе легко просматривается, что статья основывается на демагогии» [1, с. 57–58].

И вот между «схваткой этих двух исполинов», в том же журнале «Ала-Тоо» публикуется довольно объемная статья студента-автора Камбаралы Бобулова на тему: «Письмо ученика» (1956, №11). Поскольку статья К. Бобулова была написана как критика на писательскую критику, то вполне естественна его полемичность. Основной пафос, приглашающей к обсуждению статьи А. Токомбаева (сказал, что «высказанные мнения обязательно должны быть вынесены на обсуждение общественности»), был связан по привычке с идейными ошибками, имевшими место до этого в кыргызской критике, речь в основном шла вокруг образов героев. Камбаралы Бобулов начинает свою статью словами: «Уважаемый Аалыке! Вы, в статье «Побеседуем лицом к лицу» в 11-ом номере журнала «Ала-Тоо», призываете писателей, критиков и читателей объективно высказаться о темпах развития кыргызской прозы. Эту мысль мы поддержим от всей

души. Литература не собственность писателя, это всенародное дело. Писатель, предлагая читателю свои произведения, чувствует себя его виновником. Вы, высказывая свои замечания о «нетронутой целине» – «Людях нашего времени», приглашаете и других встать лицом к лицу. Я, как ученик, решил высказать свое мнение о романе и вашей статье», и далее отмечает, что видное место в становлении кыргызской поэзии занимает А. Токомбаев, а в национальной прозе – Т. Сыдыкбеков. Далее, один за другим начинает сводить на нет тезисы, которые с твердой уверенностью написал первый писатель национальной литературы, влиятельный авторитет – Аалы Токомбаев. Например, Токомбаев пишет: «Для того, чтобы стать героем эпохи, надо соответсвовать времени. Судя по названию книги хочется представить советскому народу образцовых, образованных, знающих народные обычаи, имеющих международное значение передовых людей советской эпохи и ожидаем этого. Вот возьмём за образец «Людей нашего времени», мы должны гордиться их замечательными качествами. Я думаю, нельзя гордиться людьми из колхоза «Б»”. В анализе А. Токомбаева: представитель комитета партии Нуркасым – «совершенно невоспитанный, заносчивый, щёголь», «хвастун», «пустозвон старого времени», Касейин – «легкомысленный пустомеля», Акия – «озорная, избалованная, дерзкая и напористая молодуха», у образов людей нашего времени нет ничего, того, чему можно было бы «учиться», «брать пример».

К. Бобулов следующим образом отвечает на анализы Токомбаева: «Уважаемый Аалыке! Я совершенно не могу согласиться с вашим мнением. Вы, лучше, чем я понимаете, что уровень нашей литературы снизился потому что, до недавнего времени опирались на теорию, что у людей нашей эпохи нет изъянов, что они все являются «образцовыми людьми».

Во время, когда Түгөлбай Сыдыкбеков писал свое произведение, он наверное не думал о том, что сделает всех своих героев известными всему советскому народу, всему миру. Так невозможно думать. Он, наверное, просто хотел написать о простых людях нашей эпохи периода войны.

Речь идет о людях нашего времени. По-моему, нельзя считать людьми нашего времени только передовую интеллигенцию, студентов. Это маленький раздел. Люди нашего времени – это рабочие, с богатырскими руками, обеспечивающие нас одеждой, машинами, транспортом и другим, колхозники, обеспечивающие нас хлебом. Вы назвали Нуркасыма невоспитанным. В чем «невоспитанность» Нуркасыма? По-моему, его «невоспитанность» в том, что он чист, «не важничает». Далее доказывется мнение, что «положительными» являются, не одобренные Токомбаевым как художественные образы, образы Чаргына, Касеина, Акмана, Акии. К. Бобулов только в двух случаях, связанных с образами частично и полностью согласен с Токомбаевым. «Мнение Ваше и Асаналиева о Шамбете верно, Шамбет искусственный образ. Сравнительно, Чаргын, Акия, Элебес, Гүлнар, Батыши читателю чувствуются живыми людьми.

Да, Аалыке, верно, что письмо, не стесняясь написанное Касейином матери о невесте, не соответствует национальному характеру. Верно и то, что с годами меняется и национальный характер» [7]. Как недостатки К. Бобулов отмечает следующее: «Я не говорю, что «Люди наших дней» классическое произведение. У нее есть недостатки. Мне кажется, что этот роман не сумел широко охватить великую трагически тяжелую жизнь кыргызского народа периода войны, социальную борьбу того времени. Читая роман, я не могу ясно почувствовать жизнь того периода. Юмора больше, чем печали. Когда автор подходит к печальному месту, сразу перескакивает на другое.” А вот слова критика: «и притом вы считаете, что почти нет роли партии. Многие товарищи, чтобы поднять роль партии поднимают авторитет парторга одной организации или секретаря райкома, направляют их на различные трудности. Это равносильно поклонению одному человеку, забывая о народной массе. По-моему, роль партии видна от темпа, силы народа. В романе четко чувствуется роль партии. Чаргын – коммунист. Как можно забыть его руководство», или как в романе старик Акман и Шамбет выступают в бой с врагами, по поводу произнесенного ими благословения: «О боже и пророк, товарищ нам дух могучего Али Шера, богатыря Манаса-отца», в связи со словами А. Токомбаева: «Эти слова кажутся не словами простого старика, а

словами погрязшего в религию крупного представителя шарыята», можно, как утверждение в духе того времени, немного добавив, чуть-чуть видоизменив мысли оппонента, рассматривать слова: «Как можно верить этому. Во-первых, автор не идиологизирует религию. В романе от начала до конца показывается, пропагандируется коммунистический идеал. Во-вторых, такие слова простого, необразованного Акмана призывают не против социалистического реаплизма, а наоборот, социалистический реализм призывает изображать быт таким каков он есть. Это один из основных принципов».

Есть отдельный повод обратиться к статье читателя-критика Камбаралы Бобулова, который наряду с участниками обсужения по поводу спора «Токомбаев-Сыдыкбеков»: К. Асаналиевым («Ыңгайлуу учур күткөн кеңеш», Ала-Тоо, 1956, №10) («Совет, который ждал удобного момента»), С. Алманбетовым («Мысли читателя» «Окуучунун пикири», Ала-Тоо, 1956, №10), К. Иманалиевым («Разговор не о людях одного колхоза, а о людях нашего времени» «Сөз бир колхоздун кишилери эмес, биздин замандын кишилери жөнүндө» Ала-Тоо, 1956, №12). Во-первых, эта статья своим контекстом позволяет отчетливо представить дух, лицо эпохи становления молодого критика. Во-вторых, сравнительно с одной из первых статей критика: «Необходимо верно оценивать любовную лирику», из этой статьи можно получить иллюстративную информацию о взглядах, уровне образования, подготовленности как специалиста, на пути становления критика, литератора искусства художественного слова жанров, кроме лирики, в области прозаического творчества, литературные критики, по проблемам писателя и эпохи. «Виновниками» обсуждения или начавшие и обобщившие их А. Токомбаев, Т. Сыдыкбеков в основном целиком отдавшись «соблазну» уточнения взаимоотношений, хотя оставили без внимания основные проблемы, касающиеся писательского мастерства, среди участников обсуждения К. Асаналиев и К. Бобулов своими статьями отличились значительностью, придав профессионализма, принципиальности по рассматриваемому вопросу. Через свою статью они сумели доказать читателю, что литературное произведение – это не бесцветная, не неста-

бильная вещь, которую можно похвалой вознести к небесам или открыто опорочить, а имеет свой вес, правоту и не повинуется ни пустой похвале, ни поношению.

Опубликовав свою статью «Письмо читателя», Камбаралы Бобулов утвердил себя как критик, этап «стажера» остался позади.

Список литературы

1. Асаналиев К. Чыңгыз Айтматов: кечээ жана бүгүн / К. Асаналиев. – Б., 1995.

2. Асаналиев К. Кыргыз совет прозасынын очерки / К. Асаналиев. – Ф., 1957.

3. Бобулов К. Адабият жана мезгил / К. Бобулов. – Ф., 1973.

4. Даутов К. Адабий сын кантип жаралган / К. Даутов. – Б., 2002.

5. Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. – Ф., 1987.

6. Краткая литературная энциклопедия: Т. 4. – М., 1967.

7. Ала-Тоо. – 1956. – №11.